

Эдуард Шифман

ПОДВОДНЫЙ ГОРОД ПРОТТО

Иллюстрации Дмитрия Никулушкина

Эдуард Шифман

Подводный город Протто

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48478511

ISBN 9785005064882

Аннотация

Эту историю о цивилизации эо рассказал мне старый крыс Зорго. Когда-то каждый эо делил радость и боль со своим народом. Смыслом их жизни было тихое счастье единения. Но эксперименты над природой привели к тому, что эо отделились друг от друга. Противоречия разделили народ эо на враждующие кланы. Помочь эо взялись крысы – последние воины города Протто. Те, для кого смерть – продолжение жизни.

Содержание

Пролог	5
Подводный город	7
Паутинка	14
Утро	33
История народа эо	42
Храм	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Подводный город Протто

Эдуард Шифман

Отдалившись, познаешь горе.

Иллюстратор Дмитрий Никулушкин

Дизайнер обложки Клавдия Шильденко

© Эдуард Шифман, 2023

© Дмитрий Никулушкин, иллюстрации, 2023

© Клавдия Шильденко, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0050-6488-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Было это несколько лет назад. В первый день осени. На одном из тех островов в океане, где зима не отличается от лета. Мы с моим приятелем, крысом Зорго, сидели на песчаном пляже и наблюдали за черепашками. Те только что вылупились и теперь отчаянно гребли лапками, пробираясь к воде. Волны слизывали их шершавым языком и уносили в океан.

– Они похожи на тебя, Зорго. Рвутся вперед, хотя не знают, что их ждет.

– Их ждет долгая жизнь, или быстрая смерть, – усмехнулся крыс. Подумал немного и добавил: – Долгую жизнь легко превратить в ад, если забыть о важном.

Он посмотрел на меня:

– Все дело в нас. Когда мы перестаем думать о близких, счастье незаметно уходит. И приходит боль. И невозможно вернуться в прошлое, чтобы все исправить. Я расскажу тебе, как это бывает. Постарайся понять и изменить себя.

– Себя? – удивился я.

– Постарайся понять, – повторил крыс и начал свой рассказ...

Подводный город

Я родился в подводном городе. Мой дед рассказывал, что когда-то давно, задолго до моего рождения, город стоял на острове. Однажды его жители – они называли себя эо – решили уйти. Закрыли остров куполом и опустились на дно океана. Мы, крысы, остались с ними. У нас не было выбора.

Огромная полусфера закрывала город, защищая жителей от давления воды. Широкие радиальные проспекты шли от центральной Храмовой площади и делили город на секторы: Южный, Северный, Западный и Восточный. Четыре кольцевых улицы концентрическими кругами опоясывали город, соединяя жилые районы и промышленные зоны.

Крысы, селились в южной части. Когда-то эо жили там, но однажды ушли в Северный сектор. Мы прекрасно себя чувствовали в заброшенных домах, среди окаменевших кустов и в подземных каналах. Проблем с едой не было: в районе продолжала работу фабрика-автомат по переработке пищевых отходов. Что еще нужно для счастья? Но было в нашем районе то, что притягивало нас, будило фантазию и разжигало любопытство. Это завод по ремонту машин. Его тихое гудение сопровождало нашу жизнь с рождения. Каждый вечер перед воротами цеха зависали четырехмоторные аппараты – беспилотные коптеры. Они осторожно опускали на землю неподвижные, потерявшие способность работать

машины.

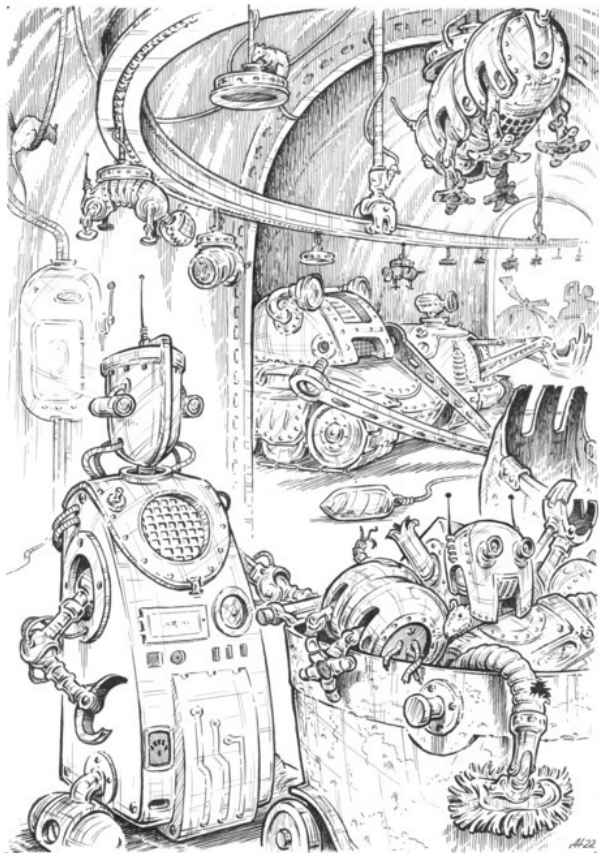
Площадка перед заводом напоминала музей ископаемых древности. Мы часто приходили сюда взглянуть на мертвые машины. Шли между рядами робокотов и робопсов, застывших в нелепых позах, смотрели в их потухшие глаза. Наши дети заглядывали в страшные пасти, а взрослые вспоминали стычки с этими механическими убийцами. Мы разглядывали ремонтных роботов, уборщиков домов и улиц. Они стояли, обреченно опустив ставшие вдруг бесполезными трудолюбивые руки.

Однажды беспилотники привезли два изувеченных коптера: красный патрульный и зеленый семейный. Авария превратила их в груды искореженного металла. Их воздушные винты были разрушены. Корпуса раздавлены. Следы крови на сиденьях говорили о трагедии.

Вся эта мертвая армия механических помощников эо терпеливо ждала своей очереди, пока завод неторопливо вбирал их в себя, чтобы вернуть к жизни.

Внутри цеха было еще интересней. Мы, как замороженные, могли часами наблюдать за движением конвейерной ленты. Она текла как река. По ней плыли машины. Роботы, стоящие вдоль конвейера, вскрывали манипуляторами их корпуса. Доставали механические внутренности. Смазывали и заменяли детали. Тонкими гибкими щупальцами касались они электронных схем в поисках неисправностей. Машины на конвейере постепенно оживали. Их глаза зажига-

лись. Робокоты и робопсы вставали на послушные лапы, поднимали головы. Их датчики приходили в движение. Коптеры включали свои воздушные винты, словно пытаясь улететь. Возвращенные к жизни, сходили они с конвейера, сверкая новой краской и свежей смазкой, и направлялись на склад готовой продукции. Там они терпеливо ждали утра, чтобы выпускающий робот отправил их домой, к хозяевам. Чтобы их жизнь снова обрела смысл.

В своем районе мы могли делать, что хотели. Нельзя было только мешать работе заводов. После одного случая мы это хорошо усвоили – крыса два раза не наступает на собственный хвост.

Нас подвело любопытство. Мы хотели знать, как работают машины эо. Как можно управлять ими. Решили утащить робокота с ремонтного завода и разобрать его. Все началось неплохо. Группа захвата подняла кота с ленты и потащила к выходу. Но не удержала и уронила. Тот упал на шестерни, приводящие в движение конвейер. Они затрещали. Лента конвейера вздыбилась. Машины стали валиться с нее, опрокидывая ремонтных роботов. В довершение всего где-то замкнуло электропитание. Искры взлетели до самой крыши. Вспыхнул пожар. Включилась система тушения. Завод встал.

Это переполнило чашу терпения горожан, и они решили покончить с нами. Эо направили в Южный сектор строительные машины. Те начали разрушать дома, в которых мы селились. Робопсы гоняли нас по всему району. Мой дед смог отбиться: по подземным каналам мы проникли в центр города и отключили электроснабжение площадок, на которых заряжались псы и машины. Эо были вынуждены свернуть операцию. Но много наших тогда погибло.

Потом все наладилось. Надо было соблюдать пару правил: не трогать заводы и открыто не лезть в жилые кварталы. Периодически над нами зависали коптеры и поливали какой-то

дряню. Она щипала глаза и раны, но это была просто жидкость от блох. Мы терпеливо сносили экзекуцию. Это была часть молчаливого уговора. Никто не хотел войны. Мы знали, что наша жизнь зависит от жителей города, а те понимали, чем может закончиться для них попытка уничтожить крыс, – все подземные коммуникации были в наших лапах.

Паутинка

Мы очень хотели понять, чем живут эо. Тайно проникали в их дома и храм, на заводы и в лаборатории, наблюдали за тем, что они делают, но это мало помогало. Они казались нам странными. Высокие и худые – с такими и крысенок справится. Мужчины и женщины, старики и дети – внешне они мало отличались друг от друга. Безволосая голова, большие глаза с переливчатой радужкой и черными, как глубины океана, зрачками. Тонкие бескровные губы. Эо не произносили ни звука, но хорошо понимали друг друга. Нас они не слышали – их небольшие ушные раковины были утратившими значение рудиментами. Тонкие руки и худые ноги не смогли бы помочь им, если бы машины перестали снабжать их едой, убирать в домах и на улицах, ремонтировать сломавшиеся механизмы, изгонять нас в Южный сектор. Одетые в одинаковые легкие ниспадающие одежды, эо проводили много времени в молчаливых играх с магическими картами и посещениях храма. Нам они казались счастливчиками. Их жизнь – прекрасной и таинственной.

Я был подростком, когда меня приняли юниором в разведывательную группу. Отправляли на несложные задания: наблюдать, что происходит у эо, и докладывать командиру Зигу. Мой дед, Старый Зорго, поговаривал: «Одна моя знакомая курица научила меня простой истине: если ты не по-

нимаешь соседей, то не удивляйся, когда однажды окажется, что ты для них просто еда». Мы спрашивали: «Кто такая курица?» А дед только посмеивался: «Там, наверху, откуда пришли мы и эо, огромный мир. Разных живых существ там больше, чем волос на теле всех крыс здесь. И курица считается не самой умной. Но важно не это, а то, что иногда опыт курицы важнее мнения сотен мудрецов».

В одну из вылазок мне удалось забраться в дом на окраине Северного сектора. В нем жила семья эо. Надо сказать, не все они жили одинаково. В некоторых домах было много машин, в некоторых – совсем мало. У этих не оказалось даже робокота, который обычно охраняет дом эо от нашего проникновения. Я пробрался внутрь и затаился за панелью машины по доставке еды.

Был вечер. Эо сидели за столом. Ужинали. Двое взрослых и ребенок. Что-то подсказывало мне, что это девочка. Может быть, аккуратность, с которой она ела. Будто священнодействовала. Так только девчонки умеют. Парни быстро набивают рот и сразу пытаются улизнуть из-за стола. Она была невысокой и такой худенькой, что, казалось, просвечивала насквозь. Мысленно я назвал ее Паутинкой. По их жестам я понимал, что они почти не разговаривали. Молча передавали приборы. Иногда один из них подходил к машине и вынимал очередное блюдо.

Я подумал: «Нам бы так. Нажал кнопку – и ешь вволю». Но в этот момент почувствовал острую боль в затылке.

ке. Сквозь щель панели увидел, что Паутинка смотрит в мою сторону. Ощутил, как невидимые нити опутали мое тело и потянули вперед. Я пытался сопротивляться, но лапы были словно чужие. Подчиняясь безмолвной силе, я вышел из укрытия и оказался посередине комнаты. Старшие эо оторвались от еды и стали рассматривать меня. Паутинка, напротив, опустила глаза в тарелку. Как будто она тут ни при чем. Наконец и она подняла голову. Взяла ложку, набрала еды, встала и направилась ко мне. Я был словно парализованный. Не мог пошевелить ни лапой, ни хвостом. Девочка опустилась на корточки и поднесла еду к моему носу. Я не ждал подвоха. Ведь они сами это ели. Открыл пасть, лизнул. Было очень вкусно. Никогда раньше я не испытывал такого наслаждения.

Видимо, в это время Паутинка получила какой-то сигнал от взрослых. Возможно, предупреждение. Она подняла руку в успокаивающем жесте. Я понял: «не волнуйтесь – все под контролем». Затем опустила ладонь мне на затылок. Боль прошла. Я почувствовал себя свободным. Можно было удирать. Но еще оставалась еда, и я осторожно потянулся к ней. По сравнению с тем, чем мы обычно питались, это была потрясающая субстанция. Как я мог уйти?

Что-то вроде улыбки возникло на бесчувственных лицах эо. Кто я был для них? Примитивное животное. Мимолетное развлечение. Тот, о ком забудут к утру. О чем говорили они? Может быть, убеждали ребенка отпустить меня или

прикончить и выбросить в машину для переработки мусора? Я не понимал, что ими движет, что они чувствуют. Да и чувствуют ли они что-нибудь?

Паутинка накрыла мою голову четырехпалой ладошкой. Будто тонкие иглы пронзили мой мозг и коснулись темных и запретных его глубин. Каждый укол отзывался странными ощущениями. Я вспомнил, увидел как наяву: мать прижимает меня к себе, пытаясь закрыть от падающей стены дома, в котором мы жили. И вдруг все вокруг окрасилось в зеленый цвет. Как будто я смотрю на мир через осколок зеленого бутылочного стекла. Потом – вспышка. И я слышу:

– Отпусти его. Пусть убирается к своим...

– Нет, он мне нравится. Я приручу его...

– Зяя, сейчас придет хранитель. Не хватало, чтобы он увидел, чем ты занимаешься...

– Ненавижу хранителей. Они везде суют свой нос...

– Не смей так говорить. Ты знаешь: это опасно...

Открытие поразило меня! Я слышал, о чем они говорят! Но еще удивительней было то, что я увидел. Их лица. Как будто они скинули серые бесчувственные и неподвижные маски. Я увидел их эмоции. Почувствовал, какие они разные.

– Иди сюда, малыш. Я не сделаю тебе плохо, – Паутинка протянула мне раскрытую ладошку.

Я попятился. Инстинкт шептал: «Беги!» – но любопытство толкало вперед, к этой девочке, у которой, как видно,

не все было ладно в семье.

– Пожалуйста. Не оставляй меня одну.
Она почувствовала, куда ударить. «Быть стойким и помо-

гать другим» – у нас в стае это закон. Что я мог сделать? Только забыть об инстинкте и шагнуть вперед. Теплая волна накрыла меня, и я успокоился. Как перед дракой. Сначала думаешь, как все будет. Но когда все начинается, времени думать и переживать не остается.

Следуя ее молчаливой просьбе, я взобрался по протянутой тонкой руке на хрупкое плечо и спрятался в складках накидки.

– Если хранитель увидит, с кем ты связалась, он будет в ярости.

Я не сразу понял, кто это сказал. Голос был тихий и низкий, как будто потухший.

– Оставь ребенка в покое. В своем доме она может делать все, что считает нужным, – вмешался другой эо с ровным, чуть хриловатым, уверенным голосом.

Взрослые заспорили. Я начал узнавать их по манере разговора, интонациям и выражению лица. Потухший голос – у отца Паутинки. Его звали Лео. Уверенный – у матери, Рэи. В семье, похоже, давно не было мира. За видимым спокойствием и невозмутимостью бушевали страсти.

Они препирались еще некоторое время, и я немного погрузился в их проблемы. Я понял, что хранители – это эо, наделенные властью. Семья принадлежала к другой, низшей, касте. Хранители называли их смертными. Это звучало как угроза. Как будто хранители могли распоряжаться их жизнью.

«Странно, – подумал я. – Дед рассказывал, что эо могут жить вечно».

Паутинку на самом деле звали Зэей. Она была подростком. Ненавидела хранителей. Ее отец жил в страхе. Что-то в его прошлом несло угрозу ему и его семье. Мать была хладнокровна, как настоящая крыса. Пыталась успокоить отца и защитить дочь.

Я тихонько тронул Паутинку, и она ответила коротким прикосновением.

«Понимает она, о чем я думаю?» – пронеслось у меня в голове.

– Да, – услышал я ее неровный, шероховатый, как будто надтреснутый голос.

– Они тоже слышат меня?

Как в этом мире хранить тайну, если все читают мысли друг друга?

– Нет. У тебя слабый сигнал. Я с трудом настроилась на него. Но мне удалось активировать эо-центр в твоём мозге. Поэтому ты слышишь нас.

В это время раздался мелодичный звук. Паутинка сняла меня с плеча. Посадила в круглое углубление в столе и накрыла блестящим колпаком. Отец хотел возмутиться, но времени для препирательств не было. Он только вздохнул.

Крышка оказалась полупрозрачной. Я мог видеть сквозь нее все происходящее в комнате. На стене появилось радуж-

ное пятно. Оно расширилось. Образовалось овальное отверстие в рост эо.

«Вход», – подумал я.

За порогом стоял эо. У левой его ноги – робопес. Гость был похож на жителей дома, но теперь я уже мог отличать их. Высокомерие ясно читалось в каждой его черте: высоко поднятый подбородок, взгляд из-под слегка опущенных век, как будто взгляд свысока. Я подумал: «Раньше все они казались нам на одно лицо и одного сложения, да и в одежде не было видно различий. А теперь я словно увидел их изнутри, понял, что они чувствуют или хотят продемонстрировать».

Эо вошел в дом. Пес последовал за ним и сел у входа. Его усы и антенны на голове зашевелились, исследуя звуки и движение в помещении. На секунду мне показалось, что он смотрит на меня. Но нет – продолжил изучение комнаты.

– Добро пожаловать, хранитель Кэн, – встал навстречу гостю отец семейства.

– Приветствую смертных, – не глядя на хозяина, ответил гость, нагло разглядывая женщин.

Отец виновато посмотрел на жену и как-то сник. Было заметно, что поведение гостя его задевает, но он не решается высказаться резко. Мать и дочь промолчали.

«Если бы кто-нибудь сунулся в нашу нору и стал вести себя так вызывающе, мой дед ему бы хвост отгрыз. Да и я не остался бы в стороне. Что-то у этих ребят не так с законами гостеприимства», – промелькнуло в голове. Паутинка

услышала меня. Подошла к столу и положила руку на крышку, под которой я сидел. Я замер, пытаясь разобраться в их странных отношениях.

Все молчали. Видимо, говорить в присутствии хранителя было не принято, а может, семья не хотела вступать в разговор с этим эо.

– Послезавтра, смертный, ты должен явиться на Совет хранителей. Рекомендую подготовиться и честно ответить на наши вопросы. Надеюсь, тебе хватит ума не сбежать в купол. Подумай, что станет с твоей женой и дочерью, если ты решишь уйти.

Гость подошел к столу и сел. Совсем рядом со мной. Мне показалось, что он смотрит мне в глаза. Но оказалось, его интересует другое. Он резко протянул руку и накрыл кисть Паутинки, лежащую на колпаке.

Я почувствовал, как она напряглась, и сказал: «Спокойно, детка, спокойно». Непроизвольно. Какая она мне детка? Одним движением мысли может превратить меня в послушную игрушку. Но я знал закон драки: никогда не давай противнику увидеть, что ты чувствуешь. Зяя поняла меня. Как будто усмехнулась. У этой девочки был характер.

– Разве хранитель может прикасаться к смертной? – слова Паутинки прозвучали как вызов.

Хранитель резко отдернул руку.

– Ты еще ребенок. Не за все слова можешь отвечать. За детей отвечают родители. Не так ли? – Гость в упор посмотрел на девочку.

Она не ответила. Тогда хранитель повернулся к отцу:

– Тебе следует лучше воспитывать дочь!

Отец нашел в себе силы не оправдываться. Наступило тягостное молчание. Гость, видимо, не планировал такого развития разговора. Возможно, он считал, что лапать дочь смертных в их доме допустимо. Но эта семья, кажется, думала по-другому. Дипломатические способности не входили в число достоинств хранителя. Он резко сменил тему разговора.

– Завтра мы собираемся в храме, чтобы просить Протто о милости. Вы должны быть там.

– Должны? Мне казалось, взывать к Протто – это почетное право, – мать Паутинки сделала свой ход.

Отец протянул руку ей навстречу, как бы пытаясь остановить. Я подумал, что сейчас разразится буря. Но, к моему удивлению, хранитель сдал позицию.

– Да, почетное право. Я неверно выразил свою мысль. Хранители хотели бы, чтобы вы были там. Ваша семья обладает связью с Протто. Народу эо нужна ваша помощь. Мой отец направил меня к вам, чтобы я передал приглашение.

– Так приглашение или приказ? – Рэя не упустила своего. И правильно. Таких уроков надо учить.

– Приглашение, – гость окончательно сдался и вынул из складок своей одежды три небольших отливающих синим камня. – Завтра ваша семья – в группе взывающих.

С этими словами этот «высокоодаренный» оратор умолк. Возникла напряженная пауза. Мать и дочь зловеще молчали. Отец растерянно мялся. Гость встал, потоптался на ме-

сте, резко развернулся, как будто ему скомандовали «кругом марш», и быстро направился к выходу. Пятно на стене открылось перед ним. Его собака засемила следом. Уйти побитым он, конечно, не мог. Отыгрался на отце.

– Помни, смертный, твоя жизнь в руках хранителей. Следует лучше воспитывать дочь, – переступая порог, прошипел он с тихой яростью и вышел вон.

Глава семейства взглянул на Зэю, но ничего не сказал. Не решился. Та молча сняла колпак, под которым я сидел, взяла меня в руки и направилась вглубь дома. На стене перед нами появилось радужное отверстие. Мы прошли через него и оказались в помещении, в котором я угадал ее комнату. У наших девочек-крыс норки чем-то похожи: полочки с безделушками, беспорядочно разбросанные вещи.

В комнате Паутинка дала волю чувствам. Опустилась на пол и разрыдалась. Я потрогал ее за плечо. Она резко прекратила плакать и села.

– Ты молодец. Хорошо держалась. Я бы этого дурака убил на месте.

– Ненавижу хранителей! Они вваливаются в наши дома! Оскорбляют! Придумали нам дурацкое название – «смертные». Им кажется, что оно должно страшить нас. Ведь сами они боятся смерти. Но мы называем себя мэоти – «не боящиеся уединения» – в память о тех, кто когда-то в одиночестве уходил в океан. Мы не боимся смерти. Многие наши уходят в купол, чтобы избежать страданий.

– Слушай, я тут посторонний. Не разбираюсь в ваших отношениях.

– Нет. Ты сразу почувствовал. Это так нелепо. Крыса со свалки понимает меня лучше родителей, – она смутилась. – Прости. Не хотела тебя обидеть.

– Да все нормально. Я и есть крыса со свалки. Но это неважно. Когда речь идет о чести и бесчестии, не имеет значения, где ты живешь.

Она взяла меня в руки, заглянула в глаза и удивленно так произнесла:

– Это ты сам сказал? Неужели ты понимаешь, о чем говоришь?

– А чего тут непонятного? Для нас, крыс, это не пустые слова. Есть вещи поважнее положения в обществе. Возможно, тебе не с кем здесь поговорить об этом.

Зря я это сказал. Она напряглась, и я подумал, что она снова заплачет. Но нет – не заплакала, а, напротив, тихо рассмеелась.

– Да ты философ!

– Не думай, что я тупой и неграмотный. Я знаю, кто такие философы.

– И кто же это?

– Ну, они вечно бормочут себе под нос всякий вздор, полагая, что словами можно все объяснить.

– Я сама себе не верю! Неужели я разговариваю с крысой о смысле жизни?! – она просто зашлась от смеха.

– Возможно, ты что-то повредила в моей голове. Я никогда не чувствовал себя таким умным.

Я был рад, что смог отвлечь ее от грустных мыслей.

– Нет. Я же вижу, что ты размышлял над этим. Всегда заметно, когда повторяют чужие мысли. Когда не чувствуют смысла. Просто произносят слова.

– Мой дед называет пустые разговоры «катать камни в жестянке».

– Точно. Здорово, что я услышала тебя, – она осторожно коснулась рукой моей лапы, – там, за панелью. И ты не убежал. Остался со мной.

Зэя замолчала, и я почувствовал, как она прислушивается ко мне. Она неожиданно улыбнулась:

– Ты Зор! Прости, я услышала твои мысли.

– А ты Зэя. Хотя я вначале назвал тебя Паутилкой.

– Паутилкой? Почему?

– Ну ты такая тоненькая, почти просвечиваешь. Как паутилка. Мы своим часто даем прозвища. Они иногда лучше подходят, чем имена. Это ведь не обидно. Моего командира Зига мы называем Летающая табуретка, потому что он очень мускулистый, как будто квадратный, – я посмотрел на Зэю: вдруг она обиделась. – Или тебе не нравится?

– Паутилка, – произнесла она тихо, как бы пробуя на вкус свое новое имя. – Нет. Оно мне нравится. Спасибо.

– Знаешь, я до сих пор считал вас высшими существами. Думал, вы можете все, ваш мир прекрасен и в нем царит гар-

мония. Но сейчас вижу, что у вас проблем не меньше, чем у нас. Ты можешь мне рассказать, кто такие хранители и почему этот прыщ назвал вас смертными? Я сразу понял, что тебе это не понравилось. Тебя просто передернуло.

– Да, пожалуй. С нами происходят страшные вещи. Но не торопи меня. Дай собраться с мыслями.

Она коснулась стены. Свечение стало уменьшаться. Мы оказались в полной темноте.

– Наш дом – у самой границы города. Эта стена – часть купола. Там, за ней, океан. Свет солнца не проникает туда. Я люблю сидеть здесь в темноте и думать о разном. Мой дед, Синг, когда хотел сосредоточиться, делал так же, – Зэя тихо вздохнула. – Он ушел в купол. Растворился в нем. Его заставили. Иногда я думаю: «Вдруг он оттуда смотрит на меня? Вдруг он не исчез вовсе? Просто стал другим». Так хочется верить!

Мы сели на пол. Я коснулся стены. Она была теплой и податливой. Казалось, можно пройти сквозь нее. Мои глаза постепенно привыкли, и в призрачной глубине ночи я увидел огонек. Затем другой. Вскоре я мог различить сотни светящихся существ.

– Они там, за толщей стены. Даже на такой глубине есть жизнь.

Паутинка взяла в руку мою лапу. Я понял: ей необходимо знать, что она не одна, что есть кто-то рядом.

– Из чего сделан купол?

– Он живой.

– Ничего себе! Мы что, внутри живого пузыря?

– Да. И эо связаны с ним. Не знаю, как объяснить тебе. Он чувствует, чего мы хотим. Вот смотри.

Стена вдруг зажглась ровным тихим светом.

– Я попросила... Нет, не попросила. Просто захотела, чтобы стало светлее. Понимаешь?

– Он слышит вас. Так же как вы слышите друг друга. Он один из вас!

– Да. Близко. Он тоже эо. Большой и сильный. Но это не все.

Она встала и прижала ладонь к стене. Сначала ничего особенного я не заметил. Прижала и прижала. Но через некоторое время мне показалось, что ее рука стала полупрозрачной. Вскоре ее лицо, другая рука и босые ноги зажглись тихим светом, и сквозь них в колеблющемся мареве стала видна комната позади Паутинки.

– Ты видишь? Я стала частью купола. Мы не просто соединились. Мы теперь одно целое. Я чувствую его и могу раствориться в нем. Он чувствует меня и готов помочь. Смотри!

Она приблизилась к стене. Ее рука ушла внутрь и исчезла. Паутинка придвинулась еще. Половина ее тела погрузилась внутрь купола и как будто растворилась в нем.

– Если я войду туда с головой, то не смогу вернуться обратно. Я исчезну. Никто не знает, что становится с эо, когда он уходит в купол. Остается ли он самим собой, продол-

жает ли мыслить или теряет индивидуальность, исчезает совсем? Никто еще не возвращался оттуда.

Она замерла, словно ожидая, что я скажу.

– Не могла бы ты вернуться? – Я осторожно потянул ее за одежду. – Не хотел бы я сейчас расстаться с тобой. Все-таки я тебя уже узнал немного.

Она усмехнулась и вышла из стены. Ее тело стало приобретать прежний вид. Наконец, ладошка с тихим звуком, похожим на детский поцелуй, отделилась от светящейся поверхности.

– А меня он также может проглотить? – Я на всякий случай отодвинулся от стены.

– Думаю, нет. Ты чужой. Он может вобрать в себя, обволакивая, любой предмет. Вероятно, ты останешься инородным включением в его теле. Сохранишь свою индивидуальность. Останешься ли живым – не знаю.

– Ничего себе! Мы все живем в гигантском мыслящем пузыре! И он любит подзакусить нами. Мне надо переварить все это. Слишком много впечатлений для маленького крысиного мозга.

– Мы для него не еда, – Зэя мягко улыбнулась. – Он получает энергию извне. Но именно способность слиться с куполом – это то, что разделило эо. Хранители не могут общаться с Протто. Он не слышит их. Они не могут раствориться в нем. Это можем делать только мы, мэоти, – Зэя задумалась и продолжила: – Это длинная история о том, как мы потеря-

ли наше счастье. Я устала и не смогу тебе сейчас рассказать ее. Но раньше мы все были другими. У нас не существовало каст. Не было хранителей и смертных. Мы были как единое целое и были счастливы.

Паутинка положила руку мне на загривок. Я как будто проник внутрь ее сознания, ощутил ее растерянность и боль. Понял, что для нее важно.

– Чувствуешь? Не совсем, но примерно так. Нет различий, нет границ. Мы все были одним эо. Понимаешь? Так было. Теперь все по-другому.

Она убрала руку, но ощущение, что мы связаны, у меня осталось. Оно теплилось где-то в глубине моего сознания, отзывалось ноющим теплом в сердце.

Паутинка тоже почувствовала это. Она легла на пол и прижалась лбом к моей голове. Но крыса есть крыса. Не могу я долго пребывать в состоянии возвышенной эйфории. Нелепая, неуместная мысль всплыла в мозгу: «Хорошо, что нас вчера обработали жидкостью от блох». Она отстранилась. Я думал – обидится. Но нет. Села и усмехнулась:

– Вы, крысы, все такие?

– Наверное. Не сердись. Мы разные. Но я понял. Не думай, что я бесчувственный. Я действительно понял.

– Я знаю. Ты другой, но что-то в тебе есть от эо. Тех эо, какими мы были когда-то, – она помолчала и печально вздохнула: – Так не хватает деда! Мне надо рассказать тебе про него, про отца и мать. Это важно. Но силы мои ушли.

– Отдохни. Я побуду с тобой. У нас говорят: «Утро вечера мудренее».

Она растянулась на полу и мгновенно уснула, удерживая мою лапу в руке. Я перестал слышать ее. Наступила тишина. В полной темноте за стеной купола светились огоньки существ из океанских глубин. Сон свалился и на меня всей тяжестью воды, что была над нами.

Утро

Мы проспали несколько часов и проснулись одновременно. Нас разбудил голос Лео.

– Зяя, я могу войти? Мне надо поговорить с тобой до завтрака.

Поверхность купола зажглась слабым ровным светом. На внутренней стене появился радужный овал, сквозь который вошел отец Паутинки.

– Хочу поговорить с тобой, – повторил он и остановился у входа, словно не решаясь пройти. Помолчал. Наконец напряженно произнес: – Прости меня. Мною движет страх, – слова давались ему с трудом.

– Не говори так, па. Я помню, каким ты был. Ты не мог стать другим. Мой дед доверял тебе во всем. Ты не предал его. Не рассказал этим... – Зяя мотнула головой, как бы указывая в сторону хранителей.

– Страх парализует меня. Я должен защитить семью. А я...

Он замолчал. Я видел, как тяжело ему.

– Нет, па. Ты ведь знаешь, что хранители сами трясутся от страха. Они пыжятся, изображая уверенность, но им не скрыть того, что шепчет их внутреннее сознание. Они цепляются за свою жалкую жизнь, за возможность командовать. Отравляют все вокруг ядом бессмысленных слов.

– Я знаю. Твой дед смог бы разобраться. Он нашел бы способ все исправить. Но его нет с нами. Где нам искать защиты? У нас не осталось друзей.

Паутинка замерла. И я вдруг понял, что сейчас она делает то, чего делать не следует. Я ее уже хорошо узнал. Она отошла в сторону, чтобы отец смог увидеть меня.

– Знаешь, па, у меня теперь есть друг!

– Зэя! Это просто крыса! Она не может быть твоим другом! Она примитивна! У нее, вероятно, даже отсутствует способность к абстракции.

– Ты так думаешь, па? Ты, ученый, знающий о живом мире все? А вот скажи мне, па, кто такие философы?

Паутинка умолкла, но по ее внутреннему напряжению я понял, что сейчас она взорвется от смеха.

– Ну ты же знаешь, моя хорошая, как я отношусь к нашим философам.

– Конечно, па. Просто скажи, что ты о них думаешь.

– Я естествоиспытатель. Ты ведь знаешь.

– Да, па! Просто скажи!

– Ну ладно, ладно. Не понимаю, зачем тебе это. Я считаю, что философами себя называют эо, которые вечно бормочут себе под нос всякий вздор, полагая, что словами можно все объяснить.

Она просто рухнула от хохота на пол. Я думал, сломается. Отец стоял в недоумении и улыбался. Похоже, давно не видел дочь в таком состоянии.

– Бормочут... – она просто не могла говорить от смеха, – вздор... объяснить словами!..

– Да что я такого смешного сказал? – отец улыбнулся, заражаясь настроением дочери.

Та села и вдруг икнула. Раз, потом еще.

– Па, принеси, пожалуйста, попить. Я пока настрою экран.

Отец вышел. Паутинка, всхлипывая и икая, подползла на коленках к стене и достала из складок одежды коробочку. В ней оказались разноцветные прямоугольные пластинки величиной с половину ее ладошки. Между собой мы, крысы, называли их магическими картами. Она села рядом со стеной и разложила пластинки перед собой.

– Они магические? – спросил я.

Нас всегда интересовали эти таинственные предметы. Мы часто видели, как эо раскладывают их перед собой и как при этом меняется мир вокруг них.

– Можно и так сказать. Хотя никакой магии здесь нет. Каждая из них – это кусочек купола. Он настроен на определенную частоту Протто и помогает нам общаться с ним.

Зэя положила одну из карт себе на ладонь. Та стала прозрачной и растворилась в ее руке. Я подумал: «Они могут сливаться с куполом, и купол может сливаться с ними. Это как доверие. Оно должно быть взаимным. Наверное, в этом их сила».

На поверхности стены появился черный прямоугольник, и я увидел в нем нас с Зэей. Но это было не отражение. Там

она держала меня в руках перед своим лицом. Отец вскоре вернулся с прозрачным сосудом. В нем плескалась хрустально-голубая жидкость. В дверях за ним стояла Рэя. Паутинка отхлебнула и помахала матери, приглашая. Та вошла, и все они встали напротив черного пятна, на котором застыло наше изображение.

– Ма, ты ведь знаешь папино высказывание про наших философов?

– Конечно, детка.

– Мозговой сигнал очень слабый, но я поймала и усилила его.

Паутинка сделала плавный круговой жест рукой, и картинка ожила. Крыса на экране произнесла: «Не думай, что я тупой и неграмотный. Я знаю, кто такие философы». – «И кто же это?» – «Ну, они вечно бормочут себе под нос всякий вздор, полагая, что словами можно все объяснить».

Что тут началось! Мать взглянула на отца и прыснула от смеха. Паутинка лежала на полу и тихо стонала. Я думал, Лео обидится. Ведь жена и дочь смеялись сейчас над ним. Крыса, которую он считал примитивной, повторила его высокомерное высказывание! Но Лео неожиданно сам рассмеялся. Значит, было в нем то, что мой дед называл «умным сердцем».

Я стоял рядом и ждал, пока они успокоятся. Первым пришел в себя Лео. Я никак не мог привыкнуть к тому, как быстро они переключаются от настроения к настроению. Он об-

ратился к дочери:

– Помогите нам с мамой поймать его частоту. Я хочу поговорить с ним.

Лео вдруг стал серьезным. Паутинка коснулась головы отца, затем матери.

– Спрашивайте. Он с нами со вчерашнего вечера.

– Он слышал все, о чем мы говорили в гостиной? – смутился Лео.

– Да, па.

Бледное лицо отца порозовело. Неприятно осознавать, что свидетель твоего позора в состоянии оценить его глубину.

– Как тебя зовут свои?

– Зорго.

Это было мое полное имя. Так-то наши обычно звали меня Зор.

– Зорго! – известие почему-то взволновало Лео. Он быстро зашагал вдоль стены. Туда и обратно. – Так мы называли одну из крыс, чей генетический материал использовали в работе над куполом. Там, наверху, – он поднял руку, указывая куда-то вверх. – Это было так давно. Сейчас даже трудно вспомнить все подробности. Когда эо решили уйти на дно океана, Синг, отец Рэи, предложил построить живой купол. Я был его учеником. Для создания купола мы использовали фрагменты ДНК эо и крыс. Трудно представить, но когда-то в самом начале своей жизни этот гигант был всего лишь клеткой в пробирке. Мы создали его разумным и дали имя Протто. Когда пришло время, Синг поместил колонию клеток в центр острова. Они поглощали все, что находи-

лось на их нижней поверхности, размножались и постепенно закрывали остров. Через несколько лет эо переселились на Протто. Он продолжал расти, наращивая над нами свод.

К тому времени когда купол закрылся, мы прекратили эксперименты с крысами. Лабораторные крысы живут три—четыре года. Все они постепенно состарились и умерли своей смертью, закончив путь в лабораторных печах. Но Зорго убежал из лаборатории.

Его помнили все. Он был последним участником эксперимента. Самым обучаемым из всех. Умнел на глазах. Рэя учила его читать. Мы тогда еще не были семьей, но она тоже работала над проектом.

– Да, Зорго поражал нас. Он отказывался от пищи, чтобы получить возможность читать. Нам пришлось подключить его мозг к центральному хранилищу данных, – Рэя задумалась, потом усмехнулась: – Это было нашей ошибкой. Где-то там, в гигантском ворохе информации, он сумел отыскать схему электронного замка клетки, подобрал к нему шифр и удрал. Да еще и подружку из соседней клетки прихватил. Мы не думали, что крыса способна на такое.

Рэя улыбнулась и посмотрела на мужа. Тот продолжил:

– Я был уверен, что Зорго состарился и умер где-то за пределами Протто. Когда купол закрылся, здесь осталось несколько видов растений, насекомых и птиц. Но наземных животных не было. Можете представить наше удивление, когда здесь, на дне океана, мы обнаружили вас в подземных ка-

налах! Мы не стали ничего предпринимать. Знали, что Протто сам позаботится о биологическом равновесии, – Лео посмотрел на меня и помотал головой: – Но ты не наш Зорго!

– Ясное дело! Эта история не про меня. Я родился здесь. Но это мог быть мой дед, Старый Зорго. Он жил наверху. Меня просто назвали в его честь. У нас многих так зовут. Из уважения к деду. Он у нас главный в стае. Что скажет, то и будет.

– Скажи, а как выглядит его правая передняя лапа?

– Как ей выглядеть, когда ее совсем нет.

– Врожденный дефект. Это он! – Лео возбужденно взмахнул руками. – Неужели он жив? Как это возможно?

– А что с ним станет? Жив-живехонек!

– Живехонек?! Мало того что он как-то пробрался внутрь купола, хотя Протто должен был заблокировать любую попытку проникновения, так еще и жив до сих пор! Крысы столько не живут. Я не могу в это поверить.

– Наверное, тебе надо поговорить с дедом. Он любит вспоминать то время. Ну, когда вы были там, наверху.

– Да, конечно. Но теперь я хочу утвердиться в своих предположениях, – он помолчал немного, потом продолжил: – В вашей стае есть кто-то, кто не происходит от Старого Зорго?

Я никогда не задумывался об этом. До меня дошло вдруг, что все наши ведут родословную от Старого Зорго. Мне никогда это не казалось странным. Но теперь я увидел в этом

скрытый смысл.

– Нет. Мы все его потомки.

– Умирает ли кто-то в вашей стае своей смертью? От старости?

Я и об этом раньше никогда не думал.

– Мне кажется, нет. Умирают многие, но не от старости. Ловушки, робопсы. Знаете ли, они так разнообразят жизнь! Точнее – смерть!

Он не оценил моего сарказма.

– Прости, что плохо отозвался о тебе.

– Ладно, проехали. Теперь, когда вы знаете, что я не обычная крыса, а крыса с мозгами, может быть, вы мне объясните, что тут у вас происходит? Почему всякие идиоты вваливаются к вам в дом и оскорбляют? Вы ведь когда-то были все заодно. Что случилось-то?

– Па, я уже рассказала Зору о куполе и о том, что он слышит нас.

– Хорошо, солнышко. Я попробую. Давайте сядем.

– Ага, – сказал я, – у нас в таких случаях прибавляют: «В ногах правды нет».

Все расселись. Мы с Паутинкой – на полу, ее отец и мать – на выросших снизу мягких, похожих на улиток креслах. Я подумал: «Купол исполняет любые их желания. Не жизнь – удовольствие». Но я ошибался.

История народа эо

– Когда-то давно народ эо был другим, – начал Лео. – В те времена, если один из нас радовался, часть его радости доставалась всем. Если приходила боль, ее разделяли окружающие. Все дело в эо-центре, участке мозга, который связывал нас, позволял общаться и делиться эмоциями. Благодаря этому наши переживания никогда не были чрезмерными. Мы были так близки, что воспринимали себя как единое целое. Нам казалось, смысл нашего существования – тихое счастье единения.

Мы жили на небольшом острове в океане и не искали контактов с миром, но мифы о богатствах эо не давали покоя окружающим правителям и авантюристам. Они яростно рвались к тому, чего не видели, но о чем страстно мечтали. На остров покатались волны воинственных варваров. Чтобы защититься от полчищ безумцев, инженеры эо создали военные машины. Беспилотные коптеры, оборудованные огнеметами, патрулировали прибрежные воды и не подпускали к острову военные корабли противника. Тепловой луч орудия на центральной башне защищал от атак с воздуха. Робопсы охраняли береговую линию.

Мы защитили себя от грубой силы, но беда пришла с мирными торговыми судами. Болезни. Невидимые глазу организмы оказались страшнее диких орд. Ученые смогли найти

решение проблемы, но много эо погибло в мучениях.

Мы встали перед выбором: продолжить войны и борьбу с незнакомыми болезнями или уйти в надежде сохра-

нить тихую радость бытия. Мы ушли. Создали купол Протто и опустились с ним на дно океана. Протто – один из нас. Большой и сильный эо, который делит с нами радость и боль. Мы верили, что он не подведет, потому что в его генетическую природу заложена забота об эо.

Так мы оказались на дне океана. Я хорошо помню то время. Мы были счастливы. Ничто не мешало нам быть вместе. Впереди нас ждали любимые дела, спокойная и размеренная жизнь. Сотни заботливых механических помощников окружали нас, создавая комфорт и оберегая покой. Протто был с нами.

Оглядываясь назад, мы видим, как зрела и приближалась катастрофа, как медленно и неуклонно мы шли к ней, как случайные обстоятельства складывались в неизбежность, как из маленьких неприметных кусочков мозаики складывалась картина нашей сегодняшней беды. Ее истоки лежали в намерениях. Мы создали Протто, чтобы он защитил нас. Чтобы заботился об эо. Что в этом плохого?

Окруженные заботой Протто, мы отдалились, перестали чувствовать друг друга. Связь с куполом вытеснила наши отношения. Да, мы слышали тех, кто рядом, но чужая боль перестала трогать, а радость уже не была общей. Синг обнаружил снижение активности головного мозга вблизи эо-центра. Он не придавал этому значения. Теперь-то мы знаем: это был первый шаг в пропасть.

Связи между эо истончались и рвались, а связь с Протто

укреплялась. Мы все больше нуждались в нем и все меньше – друг в друге. Взрослые и дети проводили много времени с Протто, забывая о том, что раньше было важным: общении и желании помочь близким. Протто заменил нам все: семью, друзей, любимое дело. Мы больше не могли обходиться без него. Хотелось прижаться к его поверхности и почувствовать, что весь мир принадлежит тебе и ты можешь все. Это чувство так притягивало, что многие ушли в купол. Растворились в нем.

Наши дома – часть Протто. Их стены дают нам тепло и уют, чистый воздух и свет. Они живые. Чтобы дом жил, Протто должен чувствовать связь с хозяевами. В те смутные времена дома расцвели. Светящимися праздничными рядами стояли они вдоль улиц. Приветливо вспыхивали радужные овалы дверей. Но некому было воспользоваться этим гостеприимством. Улицы города опустели. Только наши механические помощники суетливо сновали повсюду, привычно выполняя свою работу. За праздничными фасадами домов народ эо тихо исчезал, медленно погружаясь в Протто.

Нас спасла Зэя. Было что-то в ее природе, что сопротивлялось влиянию купола. Она могла сливаться с ним, но никогда не подчинялась этому желанию полностью. Она была одной из немногих, в ком связь с эо была сильнее, чем связь с Протто.

Зэя видела, как мы с Рэей часами просиживаем у стены, забыв обо всем. Почувствовала скрытую угрозу и бросилась

к Сингу за помощью. Она застала деда сидящим у стены купола. На его лице блуждала улыбка. Зэя попыталась пробиться к его сознанию. То, что она поняла, потрясло ее. Синг был счастлив. Протто помогал ему пребывать в этом состоянии блаженства. Синга больше не интересовала судьба народа эо.

Зэя вышла на улицу в поисках помощи. Заглядывала в дома в надежде найти тех, кто подскажет, что делать. Но везде видела одну картину: эо нашли свое счастье. Да, мы стремились к тихой радости единения. И Протто дал нам ее. Но разве об этом мы мечтали?

Зэя нашла еще двух детей, которые не были подвержены влиянию купола. В спящем городе они были одни. Втроем они еще раз прошли по всем улицам, заглядывая в каждый дом, но не нашли никого, кто мог помочь им. Тогда дети вошли в храм и стали взывать к Протто в надежде, что тот услышит их. Но ничего не произошло. Протто счел, что счастье всего народа эо важнее страха троих детей.

Тогда они снова пошли к Сингу. Стали просить Протто умертвить его дом. Дети отказались от пищи. Они сидели рядом со старым ученым и просили, чтобы Протто почувствовал их страх одиночества и отпустил старого эо. На девятый день дом Синга умер. Его стены покрылись серым налетом, похожим на камень. Синг отделился от купола. Потребовалось несколько дней, чтобы он пришел в себя и перестал стремиться к Протто. Он был старым и мудрым. Смог увидеть боль детей, хотя чужие чувства больше не отзывали-

лись в его душе. Он вспомнил о народе эо.

Вчетвером они шли по городу, освобождая эо от власти Протто. Давая всем свободу. Свободу, основанную не на чувствах, а на понимании.

Когда на чашах весов Протто боль детей и убежденность старика стали более значимы, чем тихое счастье единения остальных эо, купол отпустил нас.

Я был с Протто в тот день. За пеленой блаженства возникло легкое раздражение и тревога: с Зэей что-то случилось. Сквозь туман удовольствия пробились ее страх и боль. Протто донес их до меня. Хотелось отодвинуть неприятное чувство, вернуться в теплую нежность покоя, но раздражающий сигнал не давал забытья. Я открыл глаза. Увидел Рэю. Рядом с ней – Синга и Зэю. Они смотрели на меня. Ждали, когда я очнусь. Я понял: случилось плохое. Но отделиться от купола было трудно. Как окунуться в обжигающий холод зимнего океана.

Это было непростое время. Тяжелый труд. Мы пытались вернуться к прежней жизни. Но сами уже не были прежними. Мы изменились. Потеряли то, что объединяло нас когда-то. Мы больше не чувствовали друг друга. Как будто очутились в новом, незнакомом мире. Открыли глаза и увидели, что все мы разные. Каждый со своими желаниями и проблемами. С разными способностями.

Раньше наши отличия не имели значения. Каждый чувствовал других и незаметно для себя помогал тем, кто нуж-

дался. Но когда мы отделились друг от друга, наши отличия стали порождать споры. Конфликты разбегались среди нас, как трещины по стеклу, разделяя народ эо.

Протто тоже стал другим: изменил частоту сигнала, с помощью которого взаимодействовал с нами. Наша связь с ним ослабла. Но самым ужасным было то, что некоторые эо совсем перестали чувствовать Протто. Мы исследовали это явление и выяснили, что оно является следствием генетического заболевания. Внешний мир изменился, и болезнь проявила себя. Страшное слово – «протто-глухота». Из-за нее около половины мужчин эо лишилась способности взаимодействовать с куполом, хотя женщины продолжали его чувствовать.

Дома эо, страдающих протто-глухотой, стали умирать. Превратились в бесчувственный камень. Инженеры решили часть проблем. Вместо живых дверей появились металлические жалюзи. Чистый воздух в умерших домах обеспечивали специальные устройства. Но эти неудобства ничто по сравнению с теми страданиями, которые испытывал эо, потерявший связь с другими и лишенный поддержки Протто. Ничто не могло сравниться со всепоглощающим чувством одиночества.

Мы с Сингом искали решение проблемы. Работали над тем, чтобы восстановить способность эо чувствовать друг друга. Верили, что сможем вернуть утраченную силу. Но не успели.

Отец Кэна, Кротос, работал хранителем на складе оружия в Восточном секторе. Там в промасленных саркофагах спала смерть: робопсы, огнеметы, пушка с центральной башни. Машины убийства, которые когда-то защищали нас. Мы не предполагали, что они повлияют на нашу судьбу.

Кротос был одним из тех, кто потерял связь с Протто. Я не могу принять и оправдать то, что он делает сейчас, но я понимаю, что он чувствовал долгими ночами во время своих дежурств. Никто не разделил с ним боль. Никто не заметил, как созрел в его голове страшный замысел. Мы были разобщены и не видели, что с ним происходило.

Однажды ночью он вошел на военный склад вместе с группой единомышленников. Наутро мы проснулись и увидели на улицах эо, вооруженных электрическими хлыстами. Рядом с каждым был робопес. Это было нарушением правил. Никто не имел права активировать древнее оружие. Синг собрал Совет. Но Кротос с последователями схватили и заперли их в мертвом доме. Мы попытались освободить Синга, но где нам было справиться с псами! От их клыков погибли многие. Членов Совета Кротос пытал. Он верил, будто те, кто связан с Протто, умышленно лишили его возможности взаимодействовать с куполом. Ничего не добившись, он принудил Синга и еще нескольких эо раствориться в Протто. Те, кто не смог это сделать, были убиты.

Кротос объявил своих последователей хранителями, а себя – Верховным хранителем. Он помешан на идее заговора.

В самых незначительных событиях видит тайный смысл. Его безумство дошло до того, что он приказал хранителям выгнать жен, дочерей и сыновей, сохранивших связь с Протто. Кротос утверждал, что они шпионят за хранителями. Большинство послушались его и теперь живут одни. Верховный пугает их смертными, но кажется, что они больше боятся его самого. Ведь большинство из них в заложниках у Кротоса: их псы в любой момент могут выполнить команду с центрального пульта, который находится у него.

К счастью, не все хранители такие. Есть небольшая группа эо, которые смогли отключить своих псов от центра управления. Они не подчинились Верховному. Хранитель Кор – брат Рэи. Он отказался расстаться с семьей. Живет среди хранителей, но те сторонятся его. У него два сына-близнеца: Би и Сон. Оба мэоти. Одного возраста с Зэей, ходят с ней в одну школу. Кор и его единомышленники называли себя «Белыми повязками». Их можно узнать по белым банданам. Они сильные и могут постоять за себя и свои семьи. Псы защищают их. Но таких немного. Ни у кого нет иллюзий, что Верховный расправится с противниками при первой возможности...

Лео умолк. Я задумался. Мы, крысы, были рядом с эо все это время, но не понимали трагедии, которая разыгрывалась у них. На наших глазах разрушалось их общество. Раскол разделил их на два враждующих лагеря. Вспомнился рассказ Старого Зорго. Он знал много историй. В далеком прошлом где-то наверху шла война. Брат шел против брата, а сын про-

тив отца. Дед рассказывал, как они убивали друг друга и как потом убивали себя. Потому что невозможно вынести такое. И я вдруг понял, что у эо сейчас тоже война. Брат идет на брата, сын – на отца. И это так ужасно, что этот кошмар даже не с чем сравнить. Стало тоскливо и больно. Жалко их всех. И еще я подумал, что мэоти чем-то похожи на нас, крыс.

– Мы, крысы, верим, что смерть – продолжение жизни.

– Да. Продолжение жизни, – Лео печально посмотрел на меня. – Но вы воины. Для вас сражение – это жизнь. Вы не видите разницы между тихим уходом и насильственной смертью. Мы же такой смерти боимся.

– Этот Кэн мог убить вас вчера?

– Да. Неслышный приказ псу. Тот знает, куда нанести удар, – Лео коснулся шеи, как бы показывая место, где могли сомкнуться челюсти робопса.

– Еще он говорил что-то о вашем голосе. Что он нужен народу эо. Это он про то, что вы связаны с Протто?

– Да. Благодаря нам народ эо получает все, что ему необходимо для существования.

– Так вы нужны хранителям! Если они уничтожат всех вас или вы все уйдете, что станет с ними?

– Я не знаю ответа. Возможно, Протто решит, что народ эо мертв. Что тогда произойдет? Неизвестно.

– Так вот почему вчера этот гад шипел, но не кусался! – Я задумался. Все это было так печально. Не хотелось в это ве-

ритель. – Неужели уже поздно? Неужели нет никакой надежды все исправить?

– Я надеялся, что мы успеем найти способ восстановить связь между эо. Но Верховный никого не слышит. Он уничтожает мэоти, – Лео печально покачал головой и добавил: – Но не этого я боюсь. Есть то, что я скрываю от всех. То, что не должен узнать Кротос. Это наша последняя надежда. Возможность спасти мэоти от насилия и издевательств. Я боюсь под пытками выдать эту тайну. Боюсь навсегда лишиться эо возможности снова стать счастливыми.

Зэя подошла к отцу и обняла его. Я понял наконец, насколько все они растеряны. После тысячелетий спокойной и размеренной жизни окунуться в мир вражды и насилия! И вдруг до меня еще кое-что дошло: «Ужас! Если они угробят друг друга и Протто, что станет с нами, крысами?!»

Было о чем подумать. Надо было свести их с дедом. Я сказал им об этом. Лео согласился.

– Па, а давай возьмем Зорго с нами в храм. Я смогу пронести его в своей сумочке.

– Это опасно, Зэя! – засомневался Лео.

– Ничего опасного, па. Если Зорго обнаружат, никому и в голову не придет, что мы связаны. Мало ли зачем крыса залезла в сумку.

Их храм я хорошо представлял. Излазил его вдоль и поперек во время прошлых вылазок. Ажурные каменные стены храма уходили вверх и там смыкались с куполом в его

самой высокой точке. Я много раз взбирался туда. Это было одно из моих самых любимых мест. Вверху всегда дул сильный порывистый ветер. Он шевелил шерсть на морде. Грозил сбросить вниз. Но вид оттуда был потрясающий. Светящаяся сфера неба уходила вдаль, опускаясь к окраинам города. Внизу двигались малюсенькие машины, траволаторы. Эо шли по своим делам. Где-то далеко – корпуса заводов. На юге – наш завод по ремонту машин. Эта картина всегда вызывала у меня уважение к эо. Мы, крысы, жили в мире, созданном этими удивительными существами. Их мир не был предназначен для нас. Мы были чужими. Почему нам нашлось место в нем – было для меня загадкой.

Внутри храма, в самом центре, поднималась мерцающая голубым светом колонна. Мы называли ее центральным столбом. Дотронуться до него никому из наших не удавалось. Электрический разряд отбрасывал в сторону каждого, кто подходил слишком близко.

Теперь, когда я слышал эо и видел эмоции на их лицах, было интересно узнать, что они делают в храме.

– Я не против посмотреть, чем вы там занимаетесь. Если вы еще угостите меня завтраком, считайте, что договорились.

Не знаю, чего мне в этот момент хотелось больше: попасть в храм или снова попробовать их еды. Они переглянулись. Завтракать в компании с крысой! К этому они еще не были готовы.

Я попытался их успокоить:

– Не волнуйтесь. Нас позавчера ваши коптеры обработали жидкостью от блох. Я чист, как новорожденный крысенок.

– Ладно, – для Рэи это было непростым решением. – Но только я дезинфицирую твои лапы.

– Я готов на все!

– Он еще не знает, что такое циркулярный ионный душ, – Рэя посмотрела на дочь.

– Ма, только не это.

– Ладно, я пошутила.

Они еще немного поспорили, до какой степени следует меня отмыть. Наконец, вмешался Лео:

– Рэя, это лабораторная крыса. Его предки сотни лет были в тесном контакте с нами. Их вирусы и бактерии давно перемешались с нашими.

– Хорошо. Два голоса – за, один – против. Ваша взяла.

После завтрака Паутинка ушла в свою комнату. Вскоре она вернулась. В руках у нее была золотистая сумка. Зэя положила ее на стол. Достала небольшой цилиндр. Щелкнула рычажком и провела по боковой поверхности. На ткани образовался дымящийся разрез.

– Через это отверстие ты увидишь, что происходит снаружи. – Паутинка откинула клапан, приглашая меня внутрь сумки.

Там было уютно. Пахло вкусным. Я обнаружил в углу завернутые в тряпицу остатки со стола. «Это чтобы ты

не скучал», – услышал я. Сквозь прорезь пробивался свет. Я осмотрелся. По боковым кармашкам были разложены предметы, о назначении которых я мог только гадать. Сумка распахнулась, и на меня сверху легла ткань.

– Я прикрою тебя на всякий случай, – Паутинка провела рукой по моей спине.

– Хорошо. За меня не волнуйся и держи сумку так, чтобы я мог видеть, что происходит вокруг.

Храм

Мы вышли из дома и по окружной направились в сторону северо-восточной радиальной. Рядом с нами шли другие эо. Я видел через прорезь в сумке тихие, спокойные лица. Слышал негромкие приветствия. Подумал: «Наверное, все они мэоти».

– Да, эта часть Северного сектора наша, – Зэя поправила сумку так, чтобы я мог лучше видеть окружающих. – Скоро мы выйдем на радиальную. Там ты увидишь хранителей.

Мы повернули направо и вступили на движущуюся ленту траволатора. На противоположной, левой, стороне улицы появились эо, чем-то похожие на Кэна. Холодный взгляд, хмурая сосредоточенность на лице. У каждого – робопес. Как приклеенный, движется слева от хозяина.

«Хранители», – понял я.

Раньше, наблюдая эту картину, мы ломали головы, почему эо с псами движутся по одной стороне улицы, а те, у кого нет псов, – по другой.

– Псы – привилегия хранителей. Их защита и оружие, – подтвердила Зэя.

Высокий хранитель в белой бандане на противоположной стороне улицы поднял руку и помахал нам.

«Чего он хочет?» – удивился я.

– Это Кор!

– Тот самый?! Брат Рэи?!

– Да, – ответила Зэя. – Он хороший. Помогает нам.

Мы некоторое время двигались молча. Я еще раз взглянул на Кора. Рядом с ним стояли еще несколько эо в белых налобных повязках. Остальные хранители сторонились их.

Вскоре по обеим сторонам дороги двигались два потока эо. Пустые встречные линии траволаторов разделяли их. Зэя повесила сумку через плечо, и я оказался ниже поручня. Хотел уже попросить ее поднять сумку, когда обратил внимание на движущуюся дорожку. Сквозь прорези в ней я увидел крысу, которая, прицепившись к нижней поверхности ленты, ехала вместе с нами. Этот способ передвижения был опасен. Совсем рядом вращались колеса привода. Но мы часто так ездили, чтобы быстро и незаметно добраться до нужного места в городе.

– Послушай, Зэя. Опустит сумку на пол. Под нами крыса. Я хочу поговорить с ней.

– Точно. Я слышу ее сигнал.

Паутинка поставила сумку на ленту, и я сквозь прорезь увидел напряженный оскал Зенга. Езда на нижней поверхности траволатора требует сноровки и смелости.

– Привет, Зенг! Это я, Зор!

Я знал, что он будет ошарашен, но не мог терять время. Зенг завертел головой:

– Зор?! Ты где?!

Он действительно растерялся, но не настолько, чтобы сва-

литься и удрать.

– Видишь сумку? Я в ней.

– Ну ты даешь! Как ты смог это сделать?

– Сейчас некогда объяснять. Ты должен помочь мне.

– Говори, чего надо. Для крысы в сумке я в лепешку расшибусь, – этот остряк еще и шутить вздумал.

– Я направляюсь в храм. Ты должен привести туда деда.

– Направляешься? Хорошо сказано. Ты больше похож на крысу, которую несут в девчачьей сумочке.

– Зенг! Мне некогда болтать!

– Ладно, ладно. Молчу. Ты ведь знаешь: Старый Зорго не ходит в город.

– Знаю! Просто передай, что я установил контакт с эо. Пусть найдет в храме рядом с центральным столбом невысокую худенькую эо с золотистой сумочкой.

– Да эти эо все одинаковые – тощие, как спицы.

– Разберется.

Зенг умчался.

– Значит, наш герой установил контакт с эо? – рассмеялась Зэя.

– Я немного прихвастнул, Паутинка. Прости. Но мне без деда не разобраться.

– Да я не сержусь. Только, когда мы будем взывать, мне не до вас будет. Это тяжелая процедура. Мы просто отключаемся. Сам увидишь.

Я не успел ответить. Рядом с нами возник эо, такой же

невысокий и худенький, как Паутинка.

– С кем ты шепчешься, Зэя?

– Отстань, Тир. Мне и в школе хватает твоих шуточек.

Могу я побыть одна?

– Да ладно. Я ведь так спросил. Смотрю – девушка сама с собой разговаривает. Может, ей поговорить не с кем.

– Мне не до тебя сейчас. Я сегодня взываю.

– Не знал. Прости. В прошлый раз я тоже был в группе. Так вымотался, что два дня пластом лежал.

Парень отошел, и мы облегченно вздохнули.

Паутинка шепнула:

– Он так-то хороший. Живет один с матерью. Его отец работал с моим, но полгода назад ушел в купол. Хранители надели на него с расспросами о Протто. Он знал, что не выдержит и ушел. Отец очень переживает из-за этого.

Мы тем временем добрались до Храмовой площади. Эо стекались на нее с радиальных улиц. Но потоки хранителей и мэоти везде были разделены.

Через прорезь я не мог видеть храм целиком. Подумал: «Если купол живой, то как вырос в нем этот каменный храм?»

Паутинка услышала.

– Внешняя стена храма – ороговевшая часть скелета Протто. Столб в центре – пучок нервных волокон, закрытый электрическим полем. Протто позволяет мэоти прикасаться к нему, хотя ему и нам это дается тяжело. Здесь возникает настоящая связь, здесь купол чувствует наши тайные страхи и желания, голос нашего внутреннего сознания. Все, что мы произносим и думаем, неважно. Важно то, что внутри нас.

То, в чем мы боимся признаться даже себе. Мы не знаем последствий, но без этого сокровенного контакта мир утонет в потоке ложных объяснений.

– То есть когда ты думаешь, что ненавидишь хранителей, это может не отражать твоего истинного отношения к ним?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.